

УДК 340.121"13"

DOI: 10.25688/2076-9105.2020.40.4.09

А. К. Гладков

«Pontifex est dominus servorum...»:**Церковь, закон и свобода в политической мысли первой половины XIV века**

В статье, основанной на анализе трактата Уильяма Оккама «Восемь вопросов о папской власти» (*Octo quaestiones de potestate pape*) — оригинального памятника политической мысли первой половины XIV века, исследуются представления мыслителя о церковной власти, ее миссии и пределах, а также соотношение закона, рабства и свободы как ключевых категорий, определяющих в свете христианского учения и аристотелевской традиции характер папской власти.

Ключевые слова: Уильям Оккам; *plenitudo potestatis*; политическая мысль; папство.

Уильям Оккам (ок. 1285–1347), монах-францисканец, философ, политический теоретик, полемист, изгой, «еретик», — фигура даже на пестром интеллектуальном фоне средневековой Европы столь значительная, что едва ли одна из этих граней может в полной мере отразить масштаб личности мыслителя. Человек сложной, противоречивой натуры, сочетавший глубокую веру с жесткой (иногда доходящей до крайности) критикой папства, искусно владевший пером, коим он служил к негодованию понтифика и клириков Римской церкви, императору Людовику IV Баварскому.

Не только современники, но и потомки, в том числе поколения исследователей, удостаивали Уильяма Оккама противоположных оценок, однако их очевидная полярность не отменяет и тем более не затемняет главного: наследие схоласта, а в данном случае речь идет о той части, что касается политической теории [1], явилось неискаженным отражением времени, своеобразным ответом на запросы, возникшие в обществе и Церкви первой половины XIV века, а заодно и заветом будущему — ведь оригинальные идеи, сразу не понятые или вовсе отвергнутые при жизни францисканца, оказались востребованными позднее (например, даже в XVI–XVII столетиях). Справедливости ради нужно сказать, что и во второй половине XIV–XV веков, когда память об «ученом еретике» была еще свежа, его философские (концепции универсалий, знака и символа) и прежде всего логические построения породили целое направление в западноевропейской мысли, которое принято называть оккамизмом. Обширная комментаторская традиция, имевшая место в Парижском университете (Альберт Саксонский, Петр д'Айи), свидетельствует, по выражению

Ю. Митке, о «странной популярности» (как положительной, так и вполне критической, представленной, в частности, изысканиями Вальтера Бурлея) трактатов Оккама, притом что его политические сочинения да и полемические работы 1330-х годов, направленные на критику римских пап (*Opus nonaginta dierum*, *De dogmatibus papae Ioannis XXII*, *Compendium errorum papae Ioannis XXII*, *Tractatus ostendens quod Benedictus papa XII nonnullas Ioannis XXII haereses amplexus est et defendit*), по причинам, видимо, сугубо цензурным и идеологическим на время выпали из интеллектуальной обиходы.

Широкий диапазон тем, которыми занимался Оккам, — от комментирования трактатов Порфирия, Аристотеля, Петра Ломбардского до создания оригинальных логических (вроде «Суммы [всей] логики» / *Summa [totius] logicae* (1323) — исключительного по значимости сочинения, явившегося предметом толкования для многих магистров, включая уже упоминавшегося Альберта Саксонского) и философско-богословских трудов, — определил и круг текстов, вышедших из-под его пера. Однако 30–40-е годы оказались по-своему поворотными для Уильяма: укрывшись в 1330 году от преследования Римской курии при дворе Людовика IV Баварского, схоласт сосредоточился на подготовке политических трактатов, которые в ходе полемики с папой Иоанном XXII и его преемником могли бы усилить позиции покровителя францисканца. Теме не только философско-богословского соотношения, но и принципиального политико-правового разделения юрисдикций светской и церковной властей, их природы, функций, назначения мыслитель посвятил ряд произведений: «Диалог» (*Dialogus*, 30-е годы XV века) — монументальное сочинение, в котором среди устойчивых полемических сюжетов подробно анализируются аспекты политического и церковного «вырождения» (в данном случае схоласт рассматривает вопросы происхождения ересей, и главной из них — так называемой папской ереси); «Бревиловкий» (*Breviloquium [de principatu tyrannico]*, 1342), представляющий собой развернутое разоблачение доктрины «полноты папской власти» и рассмотрение в этой связи специфики тиранического правления внутри Римской церкви, притязающего на светские полномочия; «Трактат о власти императоров и пап» (*Tractatus de imperatorum et pontificum potestate*, ок. 1347) — итоговая работа, фактически суммирующая основные политические, еkkлезиологические и социально-экономические проблемы, рассмотренные Уильямом ранее (*sacerdotium, regnum, dominium, proprietas*). Наряду с иными трактатами, авторство которых не вызывает сомнений (*An princeps, Consultatio de causa matrimoniali*), есть два сочинения, пусть и включенные в *Opera omnia*, но по-прежнему заставляющие ученых спорить и задаваться вопросом, принадлежат ли они перу Оккама? Речь идет о сравнительно небольших по объему текстах: *Allegationes de potestate imperiali* — трактате об императорской власти, содержащем некоторые полемические приемы, в целом характерные для Оккама, однако из-за недостаточности рукописной традиции и отсутствия манускрипта-протографа не могущем считаться достоверно принадлежащим схоласту (позиция Х. Оффлера, М. Клейн и др.); *De electione*

Caroli Quarti — лапидарном труде, посвященном Карлу IV, ставшему после смерти покровителя Уильяма Людовика IV Баварского императором Священной Римской империи (позиция Х. Оффлера, Ю. Митке, А. Мак Грейда и др.).

В значительном перечне политических произведений наше внимание привлекают «Восемь вопросов о папской власти»¹ (*Octo quaestiones de potestate papae*) — сочинение, увидевшее свет в интервале между концом 1340 — летом 1341 года [4: р. 20, п. 70; 5: р. 332; 7: р. 5] и затрагивающее наиболее важные для Оккама, а равно и предельно актуальные для его времени сюжеты. Уильям не обходит стороной такие темы, как природа и назначение церковной власти (*auctoritas*), реальное и идеальное в реализации принудительной власти папы, воспринимаемое в совершенном измерении как служение (*ministerium*), но по факту олицетворяющее разновидность тирании (*tyrannia*). Наконец, мыслитель детально разбирает так называемую доктрину полноты папской власти (*plenitudo potestatis*), доказывая несостоятельность притязаний понтификов на прерогативы светских государей (*potestas*); более того, попытки глав Римской церкви присвоить себе некоторые ключевые обязанности, относящиеся к сфере мирской власти, оцениваются автором «Восьми вопросов» (*Guillelmi de Ockham. Octo quaestiones de potestate papae* // *Idem. Opera politica* / *Accuravit H. S. Offler. Manchester, 1974. Vol. 1. P. 15–217* (далее в тексте — ОQR, с указанием страницы)) как прямое свидетельство утраты благодати (*grati*) и забвения заветов Христа.

Оккам в принципе не отрицает необходимости института папства, признавая законность власти понтифика лишь в тех рамках, которые были установлены Богом; ведь, по сути, являясь преемником апостола Петра, римский первосвященник присвоил куда больше, чем мог себе позволить ученик Христа. Стремясь расширить собственные полномочия, включая и сферу непосредственной юрисдикции светских государей (ОQR. Р. 95–99), папа, по мысли автора «Восьми вопросов», в погоне за могуществом вступил в противоречие не только с Божественным законом, знаменующим абсолютное и непреложное правило жизни (*regula vitae*), но и естественным, являющимся источником всякой справедливости. Именно эти законы, определяющие фундаментальную систему политико-правовых координат, подвергаются понтификом сомнению; ведь, как известно из Писания, и Оккам неоднократно апеллирует к букве и духу Священного текста, рабство (*servitudo*) допускается лишь в том случае, когда человек признает свою принадлежность Богу, отдает себя в Его полное распоряжение, принимает Его святую волю. Однако римский епископ, даже в мыслях допускающий реализацию на практике доктрины *plenitudo potestatis*, ставит себя — вопреки установлению Божьему — господином (*dominus*), а паству делает бесправными рабами (ОQR. Р. 109). Конечно, рассуждает Оккам, когда Господь признает себя господином рабов (*dominus servorum*), то лишь потому, что прежде сам человек, обладающий свободной волей,

¹ О рукописной традиции см.: [6].

сделал такой выбор, вверив себя Всевышнему. Именно Бог — источник спасения, избавление от рабства, что когда-то было заповедано древними (Ис. 42, 6, 7; Ис. 61, 1) и осуществлено Христом (Лк. 4, 18–21; Иоан. 8, 36; Рим. 7, 23–25; Евр. 2, 15).

Понтифик, напротив, единолично сосредоточив в своих руках власть, ему не принадлежащую, фактически ее узурпировал; он лишь прикрывается идеей наилучшего правления, которому в принципе чужда такая практика (OQR. P. 109); по сути, же подменил высший закон своим хотением (*voluntas*), волю Божью — собственной, а свободе равных предпочел пути невежества. Острые критики направлены именно на то, что, формулируя доктрину полноты власти, римский первосвященник, по мнению Уильяма, не обладает ни моральным превосходством над паствой, ни добродетелями, выдвигающими его в первый ряд благочестивых мужей, ни знаниями, однако тщится стать единоличным владыкой над всеми.

Оккам заявляет: правитель (*rex, princeps, imperator*) наделен свыше правом руководства народом, а его приказ (*verbum regis*) имеет силу закона, что тем не менее не делает из него того, кто пребывает вне общины; при высоком достоинстве и исключительном статусе, обладателю *potesta* полагается не увеличивать дистанцию с подданными, а сокращать ее, предпочитая жестокости и силе любовь и милосердие. И тем не менее светское государство покоится именно на принуждении и подчинении (OQR. P. 110).

Что же до римского папы, олицетворяющего, как ему самому кажется, наилучшую форму правления, то, по сути, христианская община (*communitas*) существует не как целокупность равных и свободных, а как объединение подчиненных единоличной воле без надежды на обретение *summum bonum*. Иными словами, благо личное (= благо папы), собственно, тираническое, вытеснило из жизни церкви благо общественное. В подобной несправедливости схоласт усматривает результат применения силы принуждения, принадлежащей светским государям, но присвоенной понтификами без высшей — Божественной — санкции. В итоге вместо жертвенного служения, пастырского окормления и наставления любовью в церкви при попустительстве папы устоялась губительная практика подавления (*compressio*). То, насколько *ecclesia Romana* отличается от примеров древнего благочестия, живописует современник Уильяма Оккама Марсилиус Падуанский [3], называющий ее *deformis monstrum* (*Defensor pacis*. II, 24,12).

Рассуждая о вопросах сугубо эkkлезиологических, Оккам в свойственной ему манере привлекает аргументы, не имеющие, как может сперва показаться, непосредственного отношения к внутренней жизни Церкви; так, схоласт использует аристотелевскую терминологию, взятую им из «Политики» [2], для описания характера функционирования *ecclesia* и вводит понятие «общее благо» как ключевое для демонстрации специфики папской власти. Предпочитая механизмы принуждения, понтифик, как пишет Уильям, мерит

всех одной мерой, не разбирая, кто грешник (*qui peccavit*), а кто праведник; потому-то благо для одного является нередко злом для другого. Проистекающая, как полагает Оккам, именно из доктрины *plenitudo potestatis* управительность (*pontifex-complanator*) в наказании, при которой все испытывают внутри Церкви «иго власти», оказывается губительной, поскольку не только не учитывает индивидуальные особенности каждого, но и разрушает саму идею блага. Более того, тот факт, что римский папа обходится подобным образом с теми, кто равен или даже превосходит его по достоинству (*dignitas*), чести, благородству (OQP. P. 108), свидетельствует, сколь далеко правление в Церкви от наилучшего и как сильно позабыты заветы Спасителя.

Понятно, что есть идеал *ecclesia veritas*, который представляется Оккаму апостольской общиной, руководимой Христом, а есть реальность, в которой существует *ecclesia Romana*, объективно весьма далеко отстоящая от этого идеала. Схоласт отдает себе отчет в том, что о масштабном переформатировании речи быть не может, хотя необходимость в преобразовании давно назрела, и тогда остается, при условии отказа от достижения оптимальной, наилучшей модели церковной организации, лишь найти путь сосуществования с «тираническим гнетом». Смирение (*modestia*) и послушание (*oboedientia*) — те добродетели, с помощью которых можно принять временное рабское состояние ради небесного воздаяния. Однако у всего есть предел и послушание нечестивой власти небесно бесконечно.

Автор «Восьми вопросов» признает, что общность свободных (государственная и церковная) куда лучше общности рабов (см., например: «...*melior est principatus liberorum quam servorum*» (OQP. P. 108–109)), а меры принуждения, в том числе насильственного, распространенные не только в миру, но и в Церкви, носящей печать *ecclesia aeterna*, тем не менее не должны быть ведущими в регулировании жизни *communitas*. Наличие или отсутствие добродетелей — важные критерии оценки необходимости использования силы, особенно внутри Церкви, а равно и наделения еще бóльшей свободой (*libertas*) тех, кто в них преуспел.

Фундаментальные категории христианского вероучения — закон, справедливость, свобода — интерпретируются Уильямом Оккамом в конкретном историческом и политическом контексте вполне традиционно, близко и понятно большинству. Отступление от буквы и духа закона (Божественного и естественного, согласно которому все от рождения свободны — см.: *Dialogus*. III, II, 6) влечет за собой искажение понимания того, что справедливо, а что — нет. Как следствие, свобода, столь необходимая для христианина, стремящегося ко спасению души, замещается иной формой, именуемой Оккамом рабством. И все это происходит по той простой причине, что римский понтифик, полагающий себя преемником апостола Петра (Оккам, к слову, разбирает вопрос о том, каковы источники и пределы папской власти и какую роль в ее реализации играет не только народ, но и мирские носители *potestas* — см.: OQP. P. 99–101)

и стоящий во главе ecclesia Romana, присвоил себе ему не принадлежащее (светские права и юрисдикции), употребил власть во зло, убеждению (persuasio) предпочтя принуждение.

Литература / Literatura

1. Boehner P. Ockham's Political Ideas // Review of Politics. 1943. № 5. P. 462–487.
2. Lambertini R. Wilhelm von Ockham als leser der Politica. Zur rezeption der politischen theorie des Aristoteles in der ekklesiologie Ockhams // Das publicum politischer theorie im 14. jahrhundert. München, 1992. S. 207–224.
3. Miethke J. Marsilius und Ockham: publikum und leser ihrer politischen schriften im späteren Mittelalter // Medioevo. 1980. Bd. VI. S. 543–567.
4. McGrade A. S. The Political Thought of William of Ockham. Personal and Institutional Principles. Cambridge, 1974. 269 p.
5. Offler H. S. The Origin of Ockham's Octo Quaestiones // The English Historical Review. 1967. Vol. LXXXII. P. 323–332.
6. Offler H. S. Introduction // Guillelmi de Ockham. Opera politica / Accuravit H. S. Offler. Manchester, 1974. Vol. I. P. 2–13.
7. Shogimen T. Ockham and Political Discourse in the Late Middle Ages. Cambridge, 2010. 301 p.

A. K. Gladkov

«Pontifex est Dominus Servorum...»:

Church, Law and Liberty in Political Thought of the First Half of the XIVth Century

In article, based on analysis of William of Ockham's «Eight quaestiones on the power of the pope» («Octo quaestiones de potestate pape») — the original treatise of political thought of the first half of the XIVth century, the author explores Okham's ideas of church' power, its mission and limits, and also correlation of «law», «slavery» and «liberty» as main categories, which defines — in light of Christian doctrine and Aristotelian tradition — pope authority's character.

Keywords: William of Ockham; plenitudo potestatis; political thought; papacy.